

Празднованіе Нового года у Грузинъ.

Новогодніе обычаи у грузинъ представляютъ интересъ по остаткамъ старины и по смѣшенію христіанскихъ понятій съ древнѣйшими языческими. Мы намѣрены изложить эти обычаи, согласно обѣщанію, выраженному раньше въ нашемъ изданіи *).

Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію празднованія Нового года у современныхъ грузинъ, считаемъ не лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на прошлое и сказать нѣсколько словъ о тѣхъ обычаяхъ, какіе соблюдались 1-го января съ древнѣйшихъ временъ въ грузинскихъ царствующихъ домахъ. Свѣдѣнія объ этомъ торжествѣ находимъ у историка Вахушты.

Празднованіе Нового года, по словамъ Вахушты, начиналось задолго до восхода утренней зари. Послѣ того, какъ трижды пропѣли пѣтухи, весь высшій военный и гражданскій синклитъ являлся во дворецъ къ царю въ строгомъ іерархическомъ порядкѣ съ поздравленіями и приличными царскому званію подарками. Амилахоръ, т. е. конетабль, обязанъ былъ привести изъ своего табуна лучшаго по красотѣ коня съ золотой сбруей; Базіертъ-Ухуцесь, старшій распорядитель царской охоты, подносилъ позолоченную голову дикаго кабана, приводилъ въ клѣткѣ быстрого сокола; за нимъ подходили штабъ офицеры и, поклонившись до земли своему повелителю, по требованію восточнаго этикета, въ

*) Кн. I, стр. 155.—См. протоколь 73 засѣданія Этногр. Отдѣла.

глубокомъ молчаніи отступали назадъ. Послѣдними приносили поздравленія эриставы, т. е. начальники областей, поднося царю натянутыя стрѣлы, имѣющія символическое значеніе. „Пусть эта стрѣла,—заканчивалъ каждый эриставъ свое привѣтствіе,—пронзитъ безошадно сердце твоего измѣнника, всемогущій царь!“ Поздравленія открывалъ Чкондели—архіепископъ мартвильскій (мингрельскій), благословлялъ царя крестомъ и образомъ, а царицу угощалъ разными сладостями.

Пріемъ гостей конченъ. Царь съ своими приближенными ѣдетъ на охоту. Еще наканунѣ были сдѣланы для этого приготовленія. Приведенныя въ подарокъ худыя лошади отводились въ поле, въ отгороженное мѣсто, гдѣ и закалывались, и трупы ихъ оставлялись на ночь при растворенныхъ воротахъ. Почуявъ добычу, волки, шакалы, лисицы наполняли обширный дворъ. Подкараулившій распорядитель охоты, подкравшись, запираетъ ворота, когда считаетъ число звѣрей достаточнымъ для истребленія. На другой день царь, прибывъ съ придворными, приказываетъ выпустить звѣрей и, погнавшись за ними, удачными выстрѣлами укладывали ихъ въ огромномъ количествѣ на открытомъ полѣ. Съ чувствомъ полного удовольствія царь возвращался домой и прямо садился за столъ. Начинался торжественный и веселый обѣдъ, прерываемый пѣніемъ и танцами. Щедрое вознагражденіе получали не только лучшіе пѣвцы и музыканты, но и выпившіе наибольшее количество вина. Въ заключеніе обѣда начинался конскій бѣгъ, устраивали бой лучшихъ борцовъ и состязаніе акробатовъ. Лучшій изъ состязавшихся, наиболѣе ловкій и привлекшій милостивое вниманіе царя, получалъ въ подарокъ халатъ.

Переходя къ описанію празднованія Новаго года у современныхъ грузинъ, мы должны замѣтить, что будемъ имѣть въ виду четыре народа грузинскаго племени, а именно: *инилойцевъ* въ Закавказскомъ округѣ, *карталинцевъ* въ Горійскомъ уѣздѣ, *курійцевъ* въ Кутаисской губ. и *джаваховъ* въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ.

Подъ именемъ ингилойцевъ извѣстны грузины, завоеванные цахурцами въ Кахскомъ округѣ бывшего Елисуйскаго султанства. Это насильственное отторженіе нижней части Алазанской долины послѣдовало въ XV вѣкѣ вслѣдъ за раздѣломъ Грузіи между сыновьями царя Георгія VIII. Завоеванные горцами грузины были поставлены въ крѣпостныя отношенія къ своимъ побѣдителямъ. Нѣкоторые изъ грузинъ, не пожелавшіе подчиниться мусульманскому игу, выселились во внутреннія безопасныя области Грузіи, а прежнія поселенія ихъ были заняты пришлыми колонистами татарскаго происхожденія, извѣстными понынѣ подъ именемъ „муганлы“. Не смотря на свое четырехъ-вѣковое отдѣленіе отъ остальной Грузіи, ингилойцы сохранили въ общемъ тѣ же нравы и обычаи, какіе господствуютъ въ Карталиніи, Гуріи и Джавахетіи. Описание празднованія Новаго года въ этихъ четырехъ различныхъ пунктахъ бывшего грузинскаго царства можетъ подтвердить высказанную мысль.

Торжество Новаго года у *ингилойцевъ*, какъ и у всѣхъ грузинъ, начинается при закатѣ солнца ружейными выстрѣлами, за которыми слѣдуетъ всеобщій крикъ, шумъ, и суетня. Къ полуночи все утихаетъ и воцаряется мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая пѣніемъ пѣтуховъ и лаемъ собакъ. Всѣ въ домѣ давно уже сладко спятъ, лишь старшіе заправители бодрствуютъ. Хозяйка торопливо прядетъ шерсть, а хозяинъ развлекаетъ ее пріятной бесѣдой. Кончивъ работу, оба они встаютъ, въ глубокомъ молчаніи подкрадываются къ спящимъ дѣтямъ, вынимаютъ изъ-подъ одеяла ихъ руки, обвиваютъ вокругъ кисти руки пряжу, завязываютъ ея концы и въ такомъ же молчаніи обвязываютъ ниткой всю посуду и главный столбъ „деда-бодзи“ (мать столбъ), поддерживающій избу. Этой кольцеобразно обвивающей руки и предметы ниткой ингилойцы символически выражаютъ желаніе, чтобы всѣ члены ихъ семейства и ихъ состояніе осталось цѣлымъ и невредимымъ. Съ руки нитка эта не снимается въ теченіе трехъ дней.

Когда пѣтухи трижды пропѣли и взошла утренняя заря,

старѣйшины будятъ всѣхъ членовъ семьи. Тѣ, поднявшись, наряжаются, надѣваютъ новое платье и обувь. Всѣ съ весельемъ располагаются вокругъ очага, разведеннаго посерединѣ дома и пылавшаго всю ночь. Вдругъ слышится стукъ у дверей; всѣ, прервавъ разговоръ, вмѣстѣ три раза спрашиваютъ: „кто тамъ и что несетъ?“ На это слѣдуетъ трижды отвѣтъ: „счастье и благополучіе приношу моей семьѣ“. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ просятъ его войти, присоединяя пожеланіе, чтобы стезя его была стезей ангела въ ихъ домѣ. Входитъ глава семьи, который незамѣтно исчезъ изъ избы въ то время, когда въ ней началась суматоха при вставаніи со сна членовъ семьи. Тогда же, выходя, онъ взялъ съ собой кувшинъ и перекидные мѣшки съ кормомъ для птицъ. На берегу рѣчки онъ умылся, помолился Богу, кувшинъ наполнилъ водой, мѣшокъ съ кормомъ смочилъ въ водѣ, отломалъ нѣсколько вѣтокъ орѣховаго дерева, положилъ ихъ въ другой мѣшокъ и вернулся домой. Вступивъ въ избу, онъ ставитъ кувшинъ въ шкапъ для посуды или на полку (*корте*), орѣховыя вѣтви въ „сакане“ или „бегели“, гдѣ хранится мука и зерно, кормомъ обсыпаетъ всѣ углы дома. При этой процедурѣ онъ непрерывно читаетъ молитву, призывающую благословеніе Бога на его семью: „Господи, Курмухская церковь, дай намъ хлѣба и благоденствія!“.

Послѣ обсыпанія избы для обильнаго урожая, всѣ садятся вокругъ очага, старшій достаетъ наканунѣ приготовленную и спрятанную за балкой потолка связку орѣховыхъ вѣтвей и даетъ каждому члену по одной вѣтви, потомъ первый самъ кладетъ свою вѣтвь въ огонь. Кожа молодой вѣтки быстро лопається отъ жара, и издаетъ трескъ, которому придается особое значеніе. Каждый трескъ вѣтви сопровождается благоговѣйными словами главы семейства: „Господи, размножь насъ и пошли обиліе въ нашъ домъ, будь милостивъ къ намъ!“ Всѣ вѣтви одна за другой дѣлаются жертвой огня за исключеніемъ двухъ, которыя снова прячутся. Послѣ этого, уже на разсвѣтѣ начинаютъ готовить „табла“—жертву. Кладутъ на поднось (*хончи*) хлѣбъ (*назуки*), лепешки, тарелку меду,